

Права человека

О СТАТЬЯХ ПЯТОЙ И ШЕСТОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД

Райва Куусимяки*

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, т.е. ЕКПЧ Совета Европы, вступила в силу в 1953 году. Предполагается, что страны — члены Совета Европы, ратифицировав эту Конвенцию, тем самым станут уважать принцип верховенства закона, равно как и права человека и основные свободы, вошедшие составной частью в эту конвенцию.

Сегодня 40 демократических стран Европы входят в Совет Европы, в которых, соответственно, проживает около 600 млн. европейцев.

Конвенция представляет собой больше, чем простые взаимные обязательства государств-участников. Она создает, кроме того, сеть взаимных двусторонних связей, объективных обязательств, которые, как говорится в преамбуле, становятся полезными из-за коллективных действий.

В соответствии со статьей 1 высокие договаривающиеся стороны будут обеспечивать каждому в рамках их юрисдикции права и свободы, определенные в этой Конвенции. В общем, взятая ЕКПЧ должна быть определена как конвенция о праве на свободу. Она может также побудить государства-члены добросовестно выполнять свои обязательства. Она соответствует во многих отношениях Международному пакту о гражданских и политических правах, выработанному в ООН в 1966 году. Права, обеспеченные Конвенцией, распространяются также и на иностранцев, независимо от того, являются ли они гражданами стран — членов Совета Европы или нет.

* Член Апелляционного суда Хельсинки (Финляндия). В основу статьи положен доклад на Международном семинаре «Российская Федерация в Совете Европы: проблемы применения норм о защите прав человека». Екатеринбург, 17—18 апреля 1997 г.

Сегодня происходит оживленная дискуссия по вопросу о том, должен ли Европейский Союз (ЕС) присоединиться к ЕКПЧ в дополнение к тому, что страны — члены ЕС ратифицировали ее и Суд ЕС применяет ее на практике.

Хотя обязательство уважать права, обеспеченные Конвенцией, является в принципе абсолютным, некоторые статьи, в которых определяется содержание права, позволяют судить об определенных видах ограничений.

Во многих странах во время ратификации состояние внутреннего законодательства не соответствует требованиям Конвенции. Статья 64 дает этим странам, во всяком случае, возможность подписать Конвенцию с оговоркой.

Статья 64 гласит:

«1. Любое государство при подписании настоящей Конвенции или при сдаче на хранение ратификационной грамоты может сделать оговорку к любому конкретному положению Конвенции о том, что тот или иной закон, действующий в это время на его территории, не соответствует этому положению. Настоящая статья не предусматривает оговорок общего характера.

2. Любая оговорка, сделанная в соответствии с положениями настоящей статьи, должна содержать краткое изложение соответствующего закона».

Например, для Финляндии Конвенция вступила в силу 10 мая 1990 г. Однако Финляндия при ратификации Конвенции должна была сделать оговорку, потому что Конвенция предполагает среди прочего устные слушания в апелляционных судах, которые Финляндия в настоящее время не может гарантировать. Финляндия хочет, чтобы вскоре наступило такое время, когда она отменит эту оговорку.

Подлинное содержание и смысл положений Конвенции понимаются нелегко. Сама Конвенция не содержит специальных положений о том, как ее толковать. Трудно вникать в Конвенцию, не зная обширной практики органов, принимающих решения по вопросам о правах человека: Европейской комиссии по правам человека, Европейского суда по правам человека и Комитета министров в Страсбурге. Ясно, что нельзя обращаться к Конвенции с закрытыми глазами. Например, применяя национальное право, судья должен обращать внимание на практику Европейского суда по правам человека, потому что эта практика показывает, как должна пониматься норма Конвенции.

В национальной правовой практике ценность Конвенции ощущается в функционировании судов двумя различными путями. Иногда можно найти решение в толковании Европейского суда по правам человека, в соответствии с которым можно заполнить пробел в

процедуре национального законодательства так, чтобы оно отражало цели Конвенции еще более в самом общем виде. Может быть, еще чаще смысл Конвенции и решений Европейского суда по правам человека можно увидеть в том, что в различных ситуациях национальные суды придерживаются духа Конвенции, иногда они применяют положения национального закона, особенно когда они его толкуют. Конечно, ясно, что следует избегать применения такого национального процессуального законодательства, которое вступает в противоречие с положениями Конвенции.

С точки зрения обычного судьи, может быть, отчасти проблематично понимать влияние Конвенции. Текст Конвенции не говорит многого читателю. Вот почему в конце концов толкование Европейского суда по правам человека определяет, что значит Конвенция для отдельного судьи в его применении национального закона. Во многих странах применяется прецедентное право. Законодательная основа Европейского суда по правам человека во многом зависит от отдельного прецедента, что легко понять, потому что решения основаны на различных правовых культурах, типичных для каждой отдельно взятой страны. Это, естественно, означает, что трудно оценить, насколько далеко можно прийти с выводами, которые сделаны на основе правовых условий, существующих в другой стране. Поэтому судье следует быть осторожным в своих суждениях, потому что всегда можно наткнуться на непонимание своих доводов. Другая опасность состоит в том, что практика Конвенции динамична. Ее толкования постоянно изменяются и развиваются в соответствии с изменениями в обществе и в правовых воззрениях. Например, финский судья привык к весьма формально-юридическому способу толкования законов. Вот почему для него трудно быстро воспринять мысль о том, что оценка обстановки изменилась по сравнению с той, какой она была до нового толкования Конвенции. Однако кажется, что в толковании ясна точка отсчета — стремиться добиться и найти дружественный подход к проблеме прав человека. Это означает, вероятно, что на практике требуется еще больше, чем раньше, искать и находить пути к самому законодателю вместо того, чтобы, вероятно безуспешно, пытаться словесно сформулировать законы.

Конвенция определяет минимум-стандартов прав личности. Можно предписать даже больше прав человека в одном по-добротному отрегулированном национальном законе, например процессуальные вопросы, таким путем, который идет дальше, чем устанавливает Конвенция. Мы удивлены, что в Финляндии, где привыкли к идее права на апелляцию, статья 6 Конвенции не предусматривает возможности апелляции после решений судов первой инстанции. В то же время, подписав Протокол № 7 Конвенции, большинство стран,

которые ратифицировали Конвенцию, связали себя обязательством создать что-то похожее на систему апелляций. Однако многие страны, такие как Италия, Нидерланды, Португалия, Испания, Бельгия и Англия, не пожелали подписать Протокол № 7. Это означает, что в рамках Конвенции страна может полностью отрицать апелляцию или различными путями ограничить ее. С другой стороны, важно понять, что если страна в соответствии с национальным законом создает возможность для апелляции, то процесс в суде высшей инстанции должен отвечать всем требованиям справедливого суда в соответствии со статьей 6. Вот почему Финляндия сделала оговорку, когда речь зашла о процессе в Апелляционном суде.

Необходимость информации по вопросам о правах человека — это практическая проблема. Суды должны иметь возможность получать такую правовую информацию, которая поможет судьям шагать в ногу с жизнью, например о последних способах толкования решений Европейского суда по правам человека. В Финляндии мы можем получить ее по каналам FEIT, которая является базой данных в нашей Finlex — системе данных. Через нее можно получить много юридически точных решений Европейского суда по правам человека.

Два года назад я получила возможность посетить некоторые апелляционные суды в Центральной Европе: Cour d'Appel в Кольмаре (Франция), Oberlandesgericht в Дюссельдорфе, Oberlandesgericht в Мюнхене (оба в Германии) и Oberlandesgericht в Линце (Австрия). Во время обсуждения с моими коллегами различных тем я выяснила, что, например, в судах первой инстанции в Германии и Австрии главной проблемой является невозможность получения достаточной информации о толковании решений Европейского суда по правам человека и других наднациональных норм. Это вопрос, на который надо обращать серьезное внимание уже с самого начала.

Необходимо отметить, что уровень Европейского суда по правам человека неапелляционный — не суда «четвертой инстанции», даже не тот орган, куда можно обратиться с апелляцией в случае чрезвычайных обстоятельств. Он не может аннулировать решение национального суда и вернуть ему дело на пересмотр. Задача Европейского суда по правам человека состоит в том, чтобы контролировать, не нарушаются ли минимальные стандарты прав человека, определенных в Конвенции.

В связи с этим требуется упомянуть, что в Протоколе № 11 к Конвенции говорится об упразднении Европейской комиссии по правам человека и Европейского суда по правам человека в его прежнем виде. Вместо них учреждается постоянно действующий Европейский суд по правам человека — новый по существу суд со

старым названием, который возьмет на себя выполнение задач как Комиссии, так и прежнего Суда. Решение правовых проблем, которыми сегодня занимается Комитет министров, будет также передано новому Суду. Реформирование произойдет в течение года после того, как все договаривающиеся стороны ратифицируют Протокол. Предполагается, что это будет иметь место в начале 1998 года.

Некоторые принципы толкования, использованные Европейским судом по правам человека

Нормы в ЕКПЧ во многих случаях достаточно общие. Отправным пунктом в их толковании является то, что речь идет о международной Конвенции, в толковании которой следует принимать во внимание принципы, применяемые всегда, когда толкуют международные соглашения. Точкой отсчета является словесная формулировка нормы. Во внимание следует принимать смысл и цель Конвенции. В деле Серинга (7 июля 1989 г., А 161) Европейский суд по правам человека записал:

«В толковании сути Конвенции, если речь идет о ее специальном предназначении, она должна рассматриваться как договор по коллективному принуждению к соблюдению прав человека и основных свобод. Таким образом, предмет и цель Конвенции как инструмента по защите отдельно взятой личности требуют, чтобы ее положения толковались и применялись так, чтобы сделать ее гарантии практическими и эффективными». В дополнение к этому любое толкование гарантированных прав и свобод должно совпадать с «общим духом Конвенции как инструмента, предназначенного поддерживать и развивать идеалы и ценности демократического общества».

Принцип действенности толкования вытекает из природы сути и цели Конвенции. Конвенция направлена на то, чтобы гарантировать не те права, которые являются теоретическими или иллюзорными, а те, которые являются практическими и значимыми.

Самостоятельное толкование положений тесно связано с принципом действенности. Это, например, означает, что понятия «уголовное обвинение» или «гражданские права и обязанности», использованные в статье 6, имеют независимый смысл, который не обязательно совпадает со смыслом этого понятия в национальном праве. Цель, которую преследует этот принцип, может быть прочитана, например, в деле Энгеля (8 июня 1976 г., А 22), в котором среди прочих был поставлен вопрос, применимы ли по отношению к дисциплинарным взысканиям в Голландии далеко идущие требования правовой защиты статьи 6 относительно рассмотрения уголовного обвинения. Суд установил, что «если Договаривающиеся

Стороны в состоянии по их усмотрению классифицировать оскорбление как дисциплинарное, а не как уголовное правонарушение либо обвинять лицо в «смешанном» оскорблении скорее в дисциплинарном, чем в уголовном плане, то применение основных положений статей 6 и 7 будет подчинено их суверенной воле».

Самостоятельное толкование используется, когда дословное толкование приведет к результату, который не будет гармонизировать с предназначением и целью Конвенции или будет совершенно неприемлем, потому что понятия имеют иной смысл в юридическом языке различных стран. Как показывает преамбула Конвенции, для авторов Конвенции «демократическое общество» и «честное соблюдение прав человека» являются понятиями неразделимыми. Однако ценности в демократическом обществе меняются, и для того, чтобы сохранить их соответствие требованиям современности, толкования Конвенции должны приспосабливаться к этим изменениям. Это значит, что типичной чертой толкования является его динамичность. Из-за этого **динамического способа толкования** законодательная история Конвенции может иметь только ограниченный смысл. Суд, принимая решения, обращается также и к другим конвенциям. Это показывает, что ЕКПЧ, несмотря на свою связь с Европой, толкуется как часть универсальных положений о правах человека.

Многие основные положения в Конвенции написаны так, что первая глава кратко обозначает защиту права, в то время как вторая глава определяет основания и условия, в соответствии с которыми право может быть ограничено или оспорено.

Первые семнадцать статей составляют ключевые положения Конвенции. Они определяют минимальный стандарт, которого, как ожидается, будут придерживаться все государства-члены.

Статья 5

Статья 5 регулирует защиту свободы личности. По сравнению с большинством других статей Конвенции это положение очень детализировано, что отражает основной смысл, который имеет свобода личности в западноевропейской концепции о гражданских правах. Вместе со статьей 6 с ее концепцией справедливого судебного производства эти две статьи составляют одно из самых важных положений Конвенции, поскольку на них часто ссылаются и их чаще нарушают, чем другие положения.

Пункт 1 статьи 5 объявляет право каждого на свободу и личную неприкосновенность. Свобода в смысле этой статьи означает защиту против лишения свободы. Личная неприкосновенность видна в получении защиты против лишения свободы по произволу. Слова «свобода и неприкосновенность» должны читаться вместе, и они

относятся к физической свободе и к свободе от ареста по произволу или угрозы такого ареста.

Понятие «лишение свободы» не совсем ясно. Обязательство лица оставаться в зоне для транзитных пассажиров аэропорта автоматически не означает лишения свободы, в то время как рассматривается его заявление о предоставлении права на убежище. Однако такое ограничение может означать лишение свободы в зависимости от продолжительности срока и других обстоятельств. В деле Амуур против Франции (25 июня 1996 г.) заявители были сомалийцами, которые претендовали на то, чтобы стать беженцами. Они прилетели в Париж, в аэропорт «Орли», 9 марта 1992 г. рейсом из Сирии, где находились в течение двух месяцев после прилета из Кении. Они покинули свою страну, потому что их преследовал режим, находившийся у власти, и их жизни угрожала опасность. Поскольку их паспорта оказались фальшивыми, власти аэропорта и пограничная полиция отказали им во въезде на территорию Франции. Сомалийцев задержали в транзитной зоне аэропорта на 20 дней.

Суд отметил, что заявители были предоставлены самим себе. Они находились под строгим и постоянным полицейским надзором, и им не оказывалось никакой правовой и социальной помощи — особенно в связи с выполнением формальностей по подаче заявления о предоставлении статуса политического беженца — до 24 марта, когда гуманитарная ассоциация, которую в это время проинформировали об их присутствии в международной зоне, устроила им контакт с юристом. Более того, до 26 марта ни продолжительность, ни необходимость их задержания не рассматривались судом.

Суд установил, что действующее в то время законодательство Франции не дает достаточной гарантии права заявителям на свободу и в нем, соответственно, существует пробел в том, что касается пункта 1 статьи 5. В принципе продолжительность времени не является главной по смыслу, когда речь идет о лишении свободы, подпадающем под определение статьи 5.

Лишение свободы должно отвечать ряду определенных предварительных условий для того, чтобы подпадать под статью. Статья предписывает, что никто не может быть лишен свободы, за исключением следующих случаев и в порядке, установленном законом. Можно упомянуть как один из таких случаев законное задержание душевнобольных. В деле Вассинка (27 сентября 1990 г., А 185-А) суд записал:

«По вопросу, является ли задержание «законным», включая случаи, когда оно выполняется «в порядке, установленном законом», Конвенция отсылает обратно в основном к национальному праву и излагает обязательство приспособиться к его нормам по существу

и по процедуре. Однако она в дополнение требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало целям статьи 5, а именно защиты личности от произвола».

Это означает, что долг каждого государства-члена состоит в том, чтобы следовать нормам внутригосударственного права. Однако Суд оставляет толкование национального права национальным судам, и нарушение Конвенции только потому, что национальное законодательство нарушается национальными судами, случается редко. Однако в деле Вассинка правительство Нидерландов признало, что именно такое нарушение национального закона имело место, потому что в национальном суде не присутствовал чиновник-регистратор, несмотря на то что процессуальные правила этого требовали. Суд пришел к заключению, что в этом отношении имело место несоблюдение «порядка, установленного законом», которое было приравнено к пробелу пункта 1 статьи 5 Конвенции. Призыв к соблюдению законности вовсе не означает, что кто-то должен соблюдать внутригосударственный закон, он предполагает также, что национальные нормы настолько точны, что, полагаясь на них, можно довольно хорошо предсказать правовые последствия чьих-то действий.

Подпункты «а»—«f» пункта 1 статьи 5 очерчивают круг случаев, когда лишение свободы возможно. В деле Куинна против Франции (22 марта 1995 г., А 311) суд подчеркнул, что «список исключений из права свободы, приведенный в пункте 1 статьи 5, является исчерпывающим, и только узкое толкование этих исключений совпадает с целью и задачей этой нормы, а именно — обеспечить, чтобы никто не мог бы быть лишен своей свободы путем произвола.

Суд признает, что понятна некоторая отсрочка в исполнении решения, предписывающего освободить задержанного. Однако он отмечает, что в данном деле заявитель оставался задержанным в течение одиннадцати часов уже после того, как Отдел обвинения вынес решение о том, что он должен быть «немедленно» отпущен. Задержание продолжалось, ему не сообщили о решении, и никаких шагов не было сделано, чтобы начать выполнять это решение».

Лишение свободы, естественно, разрешено, когда речь идет о законном задержании лица по приговору компетентного суда. Лишение свободы в этом случае предполагает формальное выявление вины (подпункт «а» пункта 1).

Лишение свободы также разрешено на основе законного ареста или задержания лица за невыполнение законного решения суда или с целью обеспечения выполнения любого обязательства, предписанного законом. В качестве примера можно упомянуть взятие крови на анализ для установления отцовства (пункт «b»).

Законный арест или задержание лица, произведенные в целях передачи его компетентному судебному органу по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что задержание необходимо для предотвращения совершения им правонарушения или чтобы помешать ему скрыться после его совершения, определяют лишение свободы. В деле Фокса, Кемпбелл и Хартли (30 августа 1990 г., А 182) Суд разъяснил, что «обоснованное подозрение» предполагает наличие фактов или информации, которые покажут объективному наблюдателю, что определенное лицо может быть тем, кто совершил правонарушение. Однако факты, которые вызывают подозрение, не могут стоять на том же уровне, что и факты, которые необходимы для определения приговора или даже предъявления обвинения (Мюррей против Соединенного Королевства, 28 октября 1994 г., А 300-А). Суд подчеркнул, что ссылка на «превентивный арест» не разрешает лишения свободы на основаниях предполагаемой общей преступности, но имеет целью предотвратить конкретное персонифицированное преступление.

Суд рассмотрел много дел, которые подпадают под положение подпункта «d», который разрешает задержание несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное задержание для передачи лица компетентному органу.

В деле Бонармара суд пришел к заключению, что подпункт «d» был нарушен, потому что повторявшееся заключение несовершеннолетнего в следственную тюрьму не могло служить воспитательным целям в соответствии с Конвенцией (29 февраля 1988 г., А 129).

В соответствии с пунктом «e» Конвенция разрешает лишение свободы, когда речь идет о законном задержании лиц с целью предотвращения инфекционных заболеваний, а также душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг.

Большинство дел, отнесенных Судом к этому подпункту, заканчивались вынесением решения о принудительном лечении, основанном на законе о здравом уме. Суд предполагает, что лицо может быть «не в здравом уме» на основе надежных медицинских доказательств; проблема здравого ума должна быть такой, чтобы требовать принудительного лечения в условиях лишения свободы, а лишение разрешено только для того, чтобы, если необходимо, подвергнуть его принудительному лечению.

Последний подпункт регулирует лишение свободы иностранцев и преступников на основе закона об экстрадиции. Лишение свободы разрешено в связи с законным арестом или задержанием лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.

Как Комиссия, так и Суд по правам человека подчеркнули узкое толкование этой нормы. Лишение свободы не должно быть основано на каком-либо ином критерии, кроме указанного в подпункте «f». В деле Замира против Нидерландов (14 мая 1984 г., DR 38) Комиссия записала, что только наличие процедуры выдачи или, как в данном случае, процедуры высылки оправдывает лишение свободы в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 5. Это означает, что высылаемое лицо может быть задержано только в целях обеспечения его высылки.

В соответствии с **пунктом 2 статьи 5** «каждому арестованному сообщаются незамедлительно на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявленное ему обвинение».

В деле Фокса, Кэмпбелл и Хартли Суд написал, что пункт 2 статьи 5 содержит элементарную норму безопасности, что любой арестованный должен знать, почему он лишен свободы. Эта норма составляет неотъемлемую часть схемы защиты, предоставленной статьей 5: по существу пункта 2 любому арестованному должно быть сказано на простом, не специальном языке так, чтобы он понял, о главных и фактических основаниях его ареста, чтобы он смог, если считает необходимым, обратиться в суд для опротестования правомочности его ареста в соответствии с пунктом 4. Поскольку эта информация должна быть предоставлена «быстро», официальное лицо, которое арестовывает, в самый момент ареста может и не передавать ее во всей своей полноте. Достаточность содержания и быстрота переданной информации определяются отдельными требованиями.

После того как их доставили в тюрьму, г-ну Фоксу, г-же Кэмпбелл и г-ну Хартли было просто сказано официальным лицом, которое их арестовывало, что они арестованы по подозрению в том, что являются террористами. Этого голого определения законного основания для ареста, взятого само по себе, недостаточно, если иметь в виду пункт 2 статьи 5.

Однако после ареста все просители были допрошены по поводу того, что они подозревались в участии в специфических преступных актах и в членстве в запрещенных организациях. Нет оснований предполагать, что эти допросы велись не так, чтобы просители могли понять, почему они были арестованы. К причинам, которые дали основания полагать, что они были террористами, приковывалось их внимание во время допросов.

В деле Ван дер Леера (21 февраля 1990 г., А 170-А) Суд подтвердил, что это требование относится не только к аресту по преступным мотивам, но также и к другим видам лишения свободы. Это означает, например, дополнительное требование сообщать арестованному в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 о возможных обвинениях против него.

В деле Фокса, Кэмпбелл и Хартли, в котором лишение свободы было основано на законе против терроризма в Северной Ирландии, десятичасовой арест, прежде чем им сообщили информацию, в соответствии с пунктом 2 статьи 5 рассматривался как приемлемый, в то время как в деле Ван дер Леера было нарушение Конвенции, когда проситель провел десять дней, прежде чем узнал, что его первоначально добровольное нахождение в психолечебнице превратилось в принудительное лечение.

Пункт 3 статьи 5 вместе с подпунктом «с» пункта 1 говорят о следующем:

«Каждое арестованное или задержанное в соответствии с положениями подпункта «с» пункта 1 данной статьи лицо незамедлительно доставляется к судье или к другому должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может ставиться в зависимость от предоставления гарантии явки в суд».

Текст «к судье или к другому должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции» означает на практике, что, например, прокуратура не может присваивать себе основные функции лица, уполномоченного законом осуществлять судебные функции, даже если лицо, о котором идет речь, не будет участвовать в суде на стороне обвинения. В дополнение к судам правоохранительной инстанцией по рассмотрению дел может быть и официальное лицо, уполномоченное законом, в странах, где такой институт существует.

Предполагается, что официальное лицо, осуществляющее судебную власть, обладает независимостью от исполнительных органов, имеет право проводить слушания по делу арестованного, взвешивать все договоры «за» и «против» лишения свободы и обладать властью освободить арестованного.

Хотя Суд не установил какого-либо ограничения срока по вопросу о лишении свободы, Комиссия начала работу с «правила четырех дней». Дело Брэгана (29 ноября 1988 г., А 145-В) и последующая практика показали, что самое длительное время ареста составляет четыре дня.

«Разумный срок», упомянутый в пункте 3 статьи 5, означает срок, отсчитываемый с начала лишения свободы и заканчивающийся временем проведения суда первой инстанции или освобождения до него.

В соответствии с **пунктом 4 статьи 5** «каждый, кто лишен свободы путем ареста или задержания, имеет право на разбирательство, в ходе которого быстро решается вопрос о законности его задержания и выносится постановление о его освобождении, если задержание незаконно».

Это положение может быть применено только к лицу, лишенному свободы, которое отрицает законность меры пресечения и требует освобождения. Цель пункта 4 статьи 5 состоит в том, чтобы обеспечить правомочность задержания по суду путем предоставления задержанному права опротестовать законность его задержания. Из этого следует, что поскольку задержанный освобожден из заключения, то и пункт 4 статьи 5 прекращает применяться в этом смысле. Следовательно, это положение больше не применяется к лицу, которое на самом деле не находится в заключении.

Контроль за законностью должен осуществляться судом. Вышестоящая инстанция в Страсбурге разъяснила, что даже орган, который не относится к судебной организации, может выполнять требования Конвенции, если он сравним с судом в смысле независимости и правил процедуры. Процедура может быть совершенно иной, но публичные слушания при этом не всегда обязательны. Однако если прокурор выступал в публичных слушаниях, то принцип «равноправия сторон» требует, чтобы и обвиняемый был также лично заслушан в открытом заседании.

Лицо, лишенное свободы, должно иметь возможность получить доступ к документам, которые власти использовали для того, чтобы лишить его свободы. Принцип *audiatur et altera pars* (пусть будет выслушана и другая сторона — *лат.*) обязан быть соблюден. В деле Лами (30 марта 1989 года, А 151) вопрос стоял об арестованном по подозрению в совершении преступления. Прошло тридцать дней, прежде чем он и его адвокат смогли получить документы по делу, особенно протоколы следствия и полиции. Прокурор ознакомился с материалами лишь тогда, когда законность задержания была определена судом. Суд пришел к выводу, что принцип равноправия сторон не был соблюден.

Суд много раз устанавливал, что определение «законность» по смыслу пункта 4 статьи 5 имеет тот же смысл, что и в пункте 1, поэтому арестованный как задержанный имеет право рассматривать «законность» своего задержания в свете не только требований внутригосударственного права, но также и по тексту Конвенции, в которую вошли общие принципы и где ограничения свободы разрешены пунктом 1.

Пункт 4 статьи 5 предполагает, что законность задержания определяется «быстро». Что это означает на практике, должно быть определено в каждом отдельном случае. Автоматически нельзя использовать «правило четырех дней». Суд подчеркнул, что слово «незамедлительно» (*promptly*), использованное в пункте 3, означает большую поспешность, чем «быстро» (*speedily*) в пункте 4. Однако в деле Санчес—Рейссе (21 октября 1986 г., А 107) прошел 31 день, прежде чем суд решил освободить арестованного, который требо-

вал этого. В соответствии с процедурой Суда не было выполнено требование «быстро», записанное в Конвенции. Не было сделано это и Норвегией в деле Е.А. (29 августа 1990 г., А 181), в котором эта процедура затянулась на восемь недель. В деле речь шла о тюремном заключении опасного преступника, который был умалишенным. Вышестоящая инстанция в Страсбурге ожидает, что государство само объяснит, почему необходимо принять отсрочку по этому вопросу. Такое объяснение не может быть принято, например, если произойдет ссылка на нехватку персонала. Суд записал:

«Допустим, судья, которому было передано дело, потребовал определенное время для проведения необходимых расследований. Однако очевидно, что причиной отсрочек стали административные проблемы, связанные с тем, что рассмотрение заявления в суде застряло на период отпусков. Однако Конвенция требует от Договаривающихся Сторон организовать свою судебную систему таким образом, чтобы она давала возможность судам отвечать на самые различные требования. Долг судебных властей состоит в том, чтобы принять все необходимые меры, даже в период отпусков, и обеспечить быстрое рассмотрение срочных дел, — это особенно необходимо, когда под угрозой находится личная свобода человека. Соответствующие меры, как оказалось, не были приняты для рассмотрения настоящего дела».

Невозможно дать точные определения времени для выражения «быстро» в пункте 4. С достаточной степенью осторожности можно смело утверждать, что если суд взял дело под свой контроль в течение недели или лицо освобождено раньше, возможность нарушения Конвенции почти ничтожна. Если же время превышает месяц, то государство обязано привести разумные причины такой отсрочки.

Пункт 5 статьи 5 гласит, что «каждый, кто стал жертвой ареста или задержания в нарушение положений данной статьи, имеет право на компенсацию».

В течение длительного времени связь этого пункта со статьей 50 оставалась неясной. Теперь же подтвердилось, что пункт 5 статьи 5 содержит самостоятельное обязательство для договаривающейся стороны. Оно означает, что выплата компенсации государством, если Суд по правам человека или Комитет министров пришли к заключению, что имеются нарушения пунктов 1—4 статьи 5, вовсе не является обязательной. Если национальный суд подтвердил, что имеется нарушение Конвенции — либо прямое, либо косвенное, — лицо имеет право на компенсацию в соответствии с пунктом 5. Тогда заявитель, которому было отказано в выплате компенсации, может обратиться в Комиссию с заявлением о нарушении пункта 5 статьи 5 после того, как будут исчерпаны национальные средства решения проблемы.

Нарушение статьи 5 не предполагает, что лишение свободы нарушило национальный закон, достаточно того, что оно стало нарушением Конвенции.

Финляндия должна была произвести много изменений в ее собственном законодательстве о времени ареста и тюремного заключения, прежде чем ратифицировать Конвенцию. Теперь законы приведены в соответствие с положениями Конвенции. В Финляндии было всего несколько дел, в которых Верховный Суд делал ссылки на статью 5 Конвенции либо в явно выраженной вербальной форме, либо косвенно.

ККО: 1993, 156.

Обвинения в преступлениях, за которые арестованный отбывал тюремное заключение, были отвергнуты. В ходе следствия и процесса обвиняемый хранил свои доводы в тайне и изменил свои показания в суде. Поскольку обвиняемый не был обязан помогать следствию, чтобы выяснить, кто был виноват, он не дал повода оставлять его в заключении. Обвиняемый получил право на компенсацию от государства за страдания, причиненные ему в связи с лишением свободы. Однако Верховный Суд сделал ссылку только на подпункт «d» пункта 3 статьи 14 в Международном пакте о гражданских и политических правах, согласно которому никто не может быть принужден свидетельствовать против самого себя или признавать свою вину, а не на Конвенцию.

ККО: 1991, 155.

В этом случае власти Норвегии обратились к Финляндии с просьбой содержать в заключении лицо, которое должно было быть выдано Норвегии. Обвинение впоследствии было в Норвегии отвергнуто. Лицо, находившееся в заключении, получило право на компенсацию за ущерб от Финляндии. Однако Верховный Суд не сделал ссылку на международные договоры о правах человека.

Статья поступила в редакцию в апреле 1997 г.

Единый суд

С 1 ноября 1998 г. в Страсбурге (Франция) в рамках Совета Европы начнет действовать новый единый суд по правам человека вместо существующих ныне двух инстанций — Комиссии и Суда. В него сможет обратиться любой гражданин государства — члена Совета Европы, в том числе и России, с тем чтобы обжаловать решение своего национального органа.

(Соб. инф.)
